Знамя Калуги
17 ФЕВ 1974

...В белом хитоне, ослепляя великолепием и совершенством, недосягаема, как античная скульптура, царственно свободно стояла на авансцене женщина и слушала обращенные к ней слова. Они жгли ее кожу, проникали в сердце, туманили мозг...

Красавицу сравнивали с богиней, ставили на самый высокий пьедестал, каким могло быть разве само небо. Страсти бушевали в ее душе, их отсвет озарял лицо, скульптурно статичной оставалась ее дивная фигура, но горящие глаза выдавали стремительный полет воображения: она возносилась, о, не иначе, как на Олимп! Фальшивые интонации говорящего не настораживали ее, она слушала слова, а они ласкали, пьянили, повергали в сладостное томление честолюбивую натуру Клементины.

ТВОРИТЬ, СОВЕРШЕНСТВУЯСЬ...

ОПИСАННЫЙ момент из спектакля Калужского драматического театра «Забыть Герострата!» (по одноименной пьесе Г. Горина) есть то прекрасное мгновение искусства, театра, чарующее, неповторимое, способное на наших глазах являть живые, пульсирующие картины жизни человеческого духа.

Актриса не произнесла ни слова, она держала паузу на монологе Герострата и — вот чудо! — в этой паузе ее Клементина раскрыла всю свою властолюбивую, тщеславную, эгоцентрическую сущность.

Рассказ о Татьяне Ивановне Евдокимовой мне захотелось начать с созданного ею образа Клементины совсем не потому, что это одна из новых работ, а, выделяя эту роль как удачу, качественный скачок, позволивший ясно увидеть мастерство и потенциал актрисы.

По закону диалектики качественным изменениям предшествуют количественные. Полоса накоплений у Татьяны Евдокимовой оказалась растянутой во времени, не слишком ровной и гладкой, но зато постоянно целенаправленной и непрерывной.

Восемнадцати лет она вошла в труппу Хмельницкого музыкально-драматического театра как артистка балета. Ее сценически выгодные внешние данные, умение не только танцевать, но и петь, устраивали театр — и она стала выступать в главных ролях. Но вскоре молодая актриса перешла в русский драматический театр: сначала в Армавире, потом в Орджоникидзе, Лиепае. И вот уже пятый сезон Т. Евдокимова работает в Калужском драматическом театре.

Молодая актриса Таня Евдокимова в некоторых спектаклях обращала на себя внимание лишь внешней своей стороной: выгодными сценическими данными. Но у нее есть главное — она необычайно требовательна к себе, самокритична, умеет анализировать свои работы и продолжает совершенствовать свою роль и тогда, когда спектакль уже идет для зрителей.

Мне пришлось смотреть стопятидесятое представление спектакля «Человек и волк» (пьеса А. Гимеры). Было это в сельском клубе. На маленькой сцене в облегченных декорациях Т. Евдокимова показала новую Марту. Так же интенсивно билось сердце, рвалась ее душа, но Марта прятала это глубоко в себе. Поражали глаза: они пронизывали Манелика, мучительно искали истину. Думающая Марта оказалась трепетнее и ближе зрителям.

...В первые годы работы Евдокимовой в калужском театре она сыграла Джемму в «Итальянской трагедии», Ганку в трагикомедии «Мораль пани Дульской», княгиню Шаховскую в народной драме «Иван Болотников». И вдруг среди этих глубоко страдающих, красиво двигающихся, несколько традиционных героинь, как разрядка — удивившая всех комичная Мороша — девчонка-дурнушка из сказки Пермяка «Золотая сорока».

Нескладная, эксцентричная Мороша плясала, выкидывая замысловатые коленца: танец так и рвался из нее, она и ходила, как танцевала, попрыгивая и разводя руками. Смеялись ее озорные глаза, щедро цвели веснушки — актриса играла с видимым удовольствием, свободно и весело.

Этапной оказалась для Т. Евдокимовой роль Глафиры в комедии Островского «Волки и овцы». В смотре спектаклей по Островскому в год его юбилея актриса удостоена диплома за эту работу.

Вспомним ее в роли Глафиры. В закрытом одеянии монахини с потупленными глазами смиренно появляется она. Прижимает к груди молитвенник. Отвечая Мурзавецкой, не поднимает глаз. Но вот Мурзавецкая окунулась в свои ханжеские дела, а Глафира осталась за ее спиной, насмешливой улыбкой комментируя происходящее.

Зорко смотрит из-под черного платка Глафира, точно рассчитывает свои шаги в неблагополучном для себя мире. И вдруг ставка на старого холостяка Лынева! Стремительно начинает Глафира свою игру. Сброшена монашеская накидка. Открылась красивая шея, нежные руки обнажились в светлом сиреневом платье, расцвела завитая головка...

Глафира Евдокимовой, разыгрывая сцену за сценой, обнажая перед зрителями откровенность своих приемов, вела игру увлеченно, рассчитанно и тонко.

В финале торжествующая, разряженная Глафира усаживалась с видом победительницы в кресло и нагловато улыбалась из-под эффектной шляпы. Под закрывающийся занавес она была полна энергии и азарта делать новые ставки в жизни.

Классическая драматургия, конечно, предоставляет громадные возможности для одаренного актера, но и в современной пьесе, посвященной колхозному селу военного времени («Солдатская вдова» Анкилова), в роли колхозницы Клавдии Т. Евдокимова показала интересную, качественно новую для себя работу, освоив социальные приметы и внешнюю характерность немолодой сельской женщины.

...Сноровистая, хватная, удачливая шла по жизни Клавдия. Красуется на людях в своем цветастом полушалке: сложит руки на груди, кривит в улыбке губы, а глаза, дерзкие, прямые, не опускает ни перед кем. А дома уложит короной косы, возьмет грудного сына, сядет на кровать, и в обрамлении расписных занавесей — что тебе царица. Муж — командир на войне, а она ему и дом, и сына, и свою красоту хранит. А что до сельских бед — так пусть каждый за себя стоит, она-то на себя надеется.

И прятала вечерами тоску, бабье одиночество в ухоженном своем доме, а утром появлялась гордая, самоуверенная, шагая твердо, особняком. Да только отвернулись люди от Клавдии, и вернувшийся в орденах муж не обрадовался тряпкам, выменянным на людское горе.

Побелела, задрожала Клавдия, заметалась, пытаясь удержать свое счастье, а потом и вовсе вся посерела, опустилась, сжалась, как старуха, когда жизнь предъявила иск на ее человеческую ценность.

Молодая актриса раскрыла психологию чуждого ей человеческого типа и создала достоверный характер. В простой коричневой юбке и немарком по военной поре пиджаке, в сапогах или валенках, с походкой размашистой и широкой, спорыми энергичными движениями, вся по-крестьянски ладная, Клавдия внешне не напоминала прежних героинь Евдокимовой; но характер сильный, проявляющий себя крупно, эмоционально выразительно — это свойственно для палитры актрисы Т. Евдокимовой, как конкретно и для Клавдии.

В прежних своих работах, указанных здесь лишь частично, к созданию образа актриса нередко шла интуитивно. Клементина в спектакле «Забыть Герострата!» — переход в новое качество. В условном театральном представлении, согласно требованиям жанра, Евдокимова не перевоплощается в Клементину со всем жаром души и сердца, а изображает правительницу древнегреческого города Эфеса так, как представляет ее себе. Актриса не скрывает своего иронического отношения к образу, показывая Клементину несколько преувеличенными театральными средствами.

Прическа и грим Клементины напоминают об античной скульптуре. Клементина несет себя так, что не шелохнется драпировка ее хитона, но если нужно разгневаться...

«Ты лжешь, негодяй!», — возмущенно восклицает она в тюрьме у Герострата и, как гребень волны, негодуя, устремляется к Герострату... На один шаг!

А то вдруг вместо чувственных, вскрывающих словоизлияний прорвется шипение змеи («Ты пожалеешь об этом, Клеон!..»), — и прелестный рот исказится желчной гримасой.

Видя Клементину, отмечаешь зрелое мастерство актрисы, ее умение ограничить себя в отборе выразительных средств, остановиться на той грани, когда сама недосказанность укрупняет сказанное.

А сыграв Ирину в комедии Брагинского и Рязанова «Родственники», Т. Евдокимова доказала, что свободно владеет сложной театральной формой и не теряет при этом своей способности тонко передавать внутреннюю сущность персонажа, заинтересовывать его судьбой. Ее Ирина неповторима, как всякий человек. Она — индивидуальность.

Мы увидели Ирину в джинсах с громыхающим ведром (там осколки разбитой ею вазы); Ирину в длинном ярком платье рядом с Заплатиным; Ирину озорную, нескладную, неловкую, застенчивую, удивленную, мягкую, счастливую, протестующую, решающую за себя и за всех свою судьбу. Мы увидели девушку с неповторимым своеобразием пластики и души, увидели очаровательного человека, остро театрально, комедийно и неожиданно представленного Т. Евдокимовой.

Об актрисе, вышедшей на дорогу большого творчества, духовно богатом, влюбленном в театр человеке, о Татьяне Ивановне Евдокимовой можно писать и писать и не ставить точку: актриса много играет, репетирует новое...

С. СОЛОВЬЕВА.